ПРАВО АВТОРА

Гусеница на саркофаге. Иван Пауков – о логике вандалов

Иван Пауков

18 ноября 2026

За кадром многоязыкой – и особенно русскоязычной – полемики о недавних погромах на улицах французских (и не только) городов остался один, на мой взгляд, важный аспект. Кажется, никто не дал себе труда вылущить из массы иных безобразий факты явно *бескорыстного* вандализма – и заодно задаться вопросом: является ли статистический вандал наших дней прямым потомком если не иконокластов, то хотя бы нигилистов рубежа XIX-XX веков? Наследует ли он в чем-либо нигилистическому крылу ультралевых движений той же Франции 1960-70-х? Или на сей раз мы столкнулись с чем-то объективно новым? Рискну утверждать, что скорее да, чем нет.

Для начала приглядимся к социокультурному фону. Лет двадцать назад дизайн-гуру и корреспондент британского ежемесячника *The World of Interiors* Барбара Стулцие (*Barbara Stoeltie*) опубликовала щедро иллюстрированный репортаж о сногсшибательной находке своего друга и коллеги. Волею случая в одном из

старейших округов Парижа приобрел он апартаменты, сохранившиеся почти нетронутыми со времен императора Наполеона I. Лишь незадолго до Первой мировой войны там повесили газовую колонку (одну из первых моделей) над мраморной ванной, а чуть раньше провели электричество, но так, что аккуратно заштукатуренные траншеи внутренней проводки остались читаемыми на стенах и потолках, которые с 1810-х годов ни разу не перекрасили.

Беспорядки в Париже, октябрь 2026 года

И хотя подобные чудеса в Париже случаются все реже, город, в чьих декорациях отгремели наиболее заметные революции художественной культуры последних 150 лет, остается самым масштабным и убедительным на свете памятником преемственности буржуазных эстетических пристрастий. Любящий козырять своими революционно-бунтарскими традициями и рассуждать о ежесекундной готовности к переменам, многочисленный французский средний класс, однако, демонстрирует устойчивый консерватизм, едва только речь зайдет о материальной среде его обитания. И на примере столицы хорошо видно, что даже самые резкие скачки цен на недвижимость не привели к замещению привычного "османовского" масштаба парижской застройки рощами небоскребов в “международном” стиле. Им выделили "резервацию", отделенную от исторического города Булонским лесом, но даже такой компромисс вызвал несколько волн протестов парижан.

Тем временем населения в столице прибывало, в ее ядре делалось все теснее, просторные квартиры делили на две, а то и на три, но радикальные реконструкции исторических зданий ради увеличения их доходности, знакомые многим европейским столицам, здесь не одобрялись, так как считались вандализмом. *Chez nous, c'est impossible*, у нас такое невозможно! Кому-то не нравятся душевые кабины на кухне, бесполезные мраморные камины в комнатах и скрипучий паркет? Нет проблем, пусть найдут свое счастье в городах-спутниках – среди железобетона, пластика, ламинатов и прочей дешевки. А также среди обитателей тамошнего социального хаузинга.

Если в этом пункте мнения домовладельцев в целом совпадали с охранительной позицией "отцов города", то в другом расходились. Всем, кто знаком с особенностями парижской жизни, известно о готовности лендлордов из ультрабуржуазных округов платить мэрии любые штрафы за свое несогласие – только бы рядом не завелось ни единого социального дома. Только бы по соседству не поселились толпы людей, хоть и владеющих французским языком и паспортом, но явно лишенных *французской культурной идентичности.* Не хватит ли с них обширных северных и северо-восточных предместий? А здесь – Париж, который должен остаться Парижем.

И нужно признать, что этой весьма укорененной точке зрения, несмотря на ощутимые ноты высокомерия, трудно инкриминировать расистский подтекст. Как и другие былые трансконтинентальные империи, Франция уже давно не является моноэтничным государством, с чем никто не спорит. Более того, как раз националистически настроенная часть общества громче всех настаивает на том, что Париж – культурная столица мира. А столица мира не может не быть разнородной. И в итоге ключевым критерием "французскости" выступает вовсе не происхождение, но именно степень культурной идентификации с Францией. Признание политических ценностей Республики в этой формуле разумееется само собой. Так исторически сложилось.

В этом контексте феномен северо-восточных предместий оказался бомбой замедленного действия. Десятилетиями в пригородах с дурной репутацией и быстро растущим населением видели главным образом питательную среду для социальных проблем (которые пытались кое-как врачевать разными интеграционными программами), пока вдруг не обнаружили, что между столицей и условными Ла-Курнёв и Сен-Дени – труднопреодолимая культурная пропасть. Что это не просто бедные и неблагополучные районы, но настоящие гетто, где оформились обширные и интернациональные по происхождению молодежные субкультуры, живущие по собственным понятиям, пользующиеся собственным

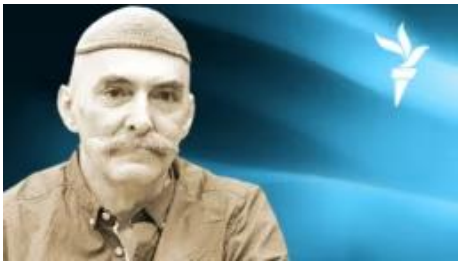
"птичьим языком", более или менее тесно связанные с криминальным миром, а с социокультурным мейнстримом Франции – почти никак.

> **Оформились молодежные субкультуры, живущие по собственным понятиям, связанные с криминальным миром, а с социокультурным мейнстримом Франции – почти никак**

Недавние события показали: проблема не исчерпывается только Парижем или Марселем, она налицо во всех крупных городах страны. Именно из таких гетто вышло большинство грабителей и вандалов, воспользовавшихся хаосом, царившим в те дни на улицах.

Вполне обоснованные упреки французской полиции в избыточной брутальности, нерасторопности и малочисленности мы слышим не первый год – и все же трудно отказать ей в эффективности. Вдохновитель едва ли не самого масштабного акта вандализма в послевоенной истории Франции, сожжения ратуши Лиможа, был арестован подразделением полицейского спецназа спустя три дня после пожара. Им оказался потомственный французский гражданин, ультралевый боевик по имени Кьярро Докампо, известный стражам порядка не хуже, чем его отец, радикальный баскский сепаратист, также "специализирующийся" на поджогах. Впрочем, как резонно заметил мэр Лиможа Гийом Герен, спалить огромное каменное здание при помощи нескольких бутылок зажигательной смеси и петард, принесенных в рюкзаке, технически невозможно. Как и выломать в одиночку массивные входные двери, не говоря уж о противодействии прибывшей по вызову пожарной команде. Ясно, что ратуша пала жертвой продуманной акции преступной группировки.

Анализируя стилистику разного рода актов вандализма последних лет, видишь три основных особенности, их объединяющие. Первая – в целеполагании. Юный вандал – неважно, "заряженный" идеологически или нет, – не ставит непременной целью уничтожение того или иного артефакта. Гораздо важнее для него эффектность шоу: как-никак, поколение, воспитанное на перформансах! "Подсолнухи" Ван Гога из лондонской Национальной галереи, залитые в сентябре 2024 года супом, были защищены спасительным стеклом, поэтому не пострадали нисколько, зато медийный *footage* вышел просто на ура. Моне Лизе в полуторалетний промежуток досталось дважды – сперва липким пирогом, а потом тем же супом, но луврский стеклянный саркофаг не подвел. Впрочем, персоналу флорентийских Уффици в июле 2022 года пришлось изрядно поработать, ликвидируя остатки клея на защитном стекле боттичеллиевой Весны, к которому прилепили себя активисты *Ultima Generazione*. Спустя месяц тот же клей остался от их визита на пьедестале ватиканского Лаокоона.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Не спешите бранить цивилизацию. Иван Пауков – о ценностях Европы

Но ведь если (по совершенно не ясным, кстати, причинам) в музейные залы можно пронести суп, то нетрудно явиться туда и с небольшим молотком, и уж всяко со смартфоном в металлическом панцире, способном натворить не меньше бед. Однако в том и дело, что главная радость вандалов вовсе не в бедах, а в медийном эффекте. Видео с чуваками, крушащими защитные стекла, полотна и статуи далеко не каждый зритель непременно сочтет проявлением активизма – да и срок за такие действия влепят совсем не смешной. То ли дело рилс с обрушением башни лиможской мэрии. Кто поджег, неясно, да и неважно – как и неважно, сгорит ли ратуша дотла; главное, что вышло покруче любого блокбастера.

Гуляя однажды по старому римскому кладбищу, я присел отдохнуть у пышной мраморной гробницы. И вдруг заметил, как из травы показалась гусеница. Уверенно взобравшись на крышку саркофага, она начала неторопливое движение по насыщенной резьбой поверхности, то штурмуя ее высоты, то ныряя в лощины, но строго следуя избранной почти прямой траектории. Было видно, что легкой прогулкой эта одиссея гусенице явно не казалось, пару раз она даже запнулась, но, не меняя курса, педантично продолжала свой путь, пока не переползла всю крышку.

Таких усилий можно было легко избежать, избрав дорогой гладкую кромку гробницы, но гусенице, похоже, это было невдомек. Скорее всего, в фокус ее зрения попадало лишь находящееся прямо перед ней. Иначе не взбиралась бы она на саркофаг, пройдя который, приземлилась в той же траве, откуда вылезла. Ясно, что назначение той прохладной глыбы гусеницу и подавно не интересовало: в ее оптике саркофаг был не более чем пересеченной местностью, которую зачем-то понадобилось одолеть.

“ Вандалом движет спонтанный импульс, и потому площадкой для самовыражения может стать все, что угодно

Возможно, я начисто позабыл бы о той гусенице, но через пару часов, выйдя из автобуса в центре вечернего Рима, понял, что не удастся. Прямо передо мной поперек фасада добротного буржуазного дома длиной в квартал тянулось яркое граффити в кислотной гамме. Криптограмма уверенно и индифферентно карабкалась поперек штукатурного декора простенков, ползла по

жалюзи уже закрытых магазинов, по стеклянным дверям в вестибюль, по бронзовым дощечкам с именами адвокатов и дантистов, полностью игнорируя перепады высот и прочие препятствия той “пересеченной местности”, что выбрала своей трассой: строго от угла, из-за которого выруливала, до угла, где снова поворачивала вместе со стеной. Сходство с гусеницей было разительным.

Для вандала наших дней, видящего окружающий мир в оптике гусеницы, разница между порталом готического собора, стеной оранжереи, потолком вокзального туалета и пьедесталом монументальной скульптуры измеряется лишь *степенью пересеченности местности.* Как и гусеница, он неизбирателен. Как насекомым движет навигационный инстинкт, так вандалом – спонтанный импульс, и потому площадкой для самовыражения может стать все, что угодно. Возраст, художественная ценность и исходная функция объекта, ставшего такой площадкой, значения не имеют. Это вторая особенность.

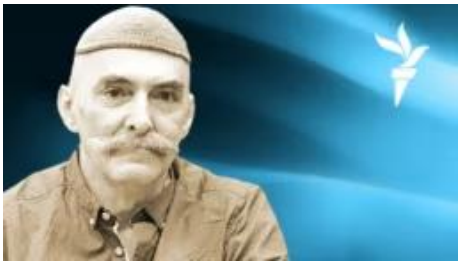
Из которой логически следует третья: у современного вандала нет выраженного эмоционального отношения к уродуемому или уничтожаемому предмету. Он не одержим пламенным религиозным фанатизмом, с которым толпы раннехристианской черни крушили и жгли Александрийскую библиотеку, а ватаги иконокластов – "греховную" роскошь католических святынь. В нем нет выраженной ненависти к чуждой культуре. И невротическое презрение нигилистов последних полутора веков к буржуазной эстетике, в детстве и отрочестве окружавшей большинство этих кликуш "мировой революции", нынешнему вандалу тоже едва ли знакомо. Ведь все описанные культурные коллизии происходили внутри доцифровой цивилизации, с которой его не так много связывает.

Беспорядки в Лионе, октябрь 2026 года

В самом деле, каким опытом обязан той цивилизации рядовой тинейджер из предместий Парижа (Лиона, Марселя)? Бесцветным существованием в убогих декорациях конвейерных панельных "человейников", которые под аплодисменты левых интеллектуалов с таким рвением проектировали *прогрессивные* адепты Афинской хартии, сами, однако, обитавшие в виллах либо элегантных квартирах в стиле ар-деко.

Мировая революция – хоть и не та, о которой мечтали радикальные левые XX века – подарила неприкаянной молодежи с городских – и социальных – обочин бескрайнюю, всем доступную (хоть и чреватую сильной зависимостью) цифровую ойкумену. Надо ли удивляться, что она тут же стала основным центром жизненных интересов этой молодежи? Теперь суперзвездой мог стать каждый из них, буквально не сходя с просиженного дивана. И, не сходя с него же, завязывать новые контакты, забивать "стрелки", покупать, продавать, тешиться всевозможными "ходилками" и "стрелялками", хвастаться и назначать свидания. Жизнь заметно прибавила в содержательности.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Размышления под витражом. Иван Пауков – об антисемитизме

Конечно, цифровая ойкумена увлекла не только молодежь условного Нантерра или Сен-Дени – с той лишь разницей, что для их более образованных и культурных сверстников из условного Парижа цифровой мир лишь дополнил и обогатил мир привычный, материальный, в котором они несравнимо лучше ориентировались и о котором намного больше знали.

В случае же лишенных какой-либо культурной идентичности "мизераблей" из пригородов все сработало ровно наоборот. Их безупречная ориентация в мире виртуальном не только легла на "чистый лист", но и не пробудила интереса к миру реальному, познания о котором у них как были, так и остаются весьма ограниченными. Можно ли в данном случае говорить о провале французских образовательных программ, специально адресованных подросткам из "трудных зон"? Да, безусловно, хотя это лишь самый верхний слой той многоуровневой проблемы, что копилась и росла в бетонных джунглях неблагополучных пригородов, которым примерно столько же лет, сколько Пятой республике.

И уж всяко не стоит утешаться, что никаких планов по уничтожению культурного богатства Франции эта не слишком организованная и глубоко безразличная к любому историческому наследию молодежь не вынашивает. Как раз имей потенциальные вандалы какой-либо план, их акции можно было бы упреждать путем сбора оперативной информации, усиления охраны потенциальных целей и превентивных задержаний. Но действуют эти люди спонтанно, их выбор случаен и труднопредсказуем. Из чего следует, что теоретически под угрозой сегодня находится каждый историко-художественный памятник.

Иван Пауков – историк искусства и журналист

Высказанные в рубрике "Право автора" мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции

Право автора | Мнения